

В специальной литературе содержатся различные требования, которые предъявляются к формулированию понятий. Большинство из них сводится к тому, что определения должны быть научно обоснованными, достаточными и указывать на ближайшее родовое понятие; не быть избыточными, не содержать порочного круга и тавтологии.

Н.Ф. Ковкель выделяет три вида правил легального дефинирования: формально-логические, лингвистические и юридические. Следовательно, можно вести речь о наличии трех групп дефектов формулирования понятий, которые соответствуют этим правилам. К группе формально-логических дефектов легального дефинирования Н.Ф. Ковкель относит: дефект неэлиминируемости, т. е. невозможность осуществить замену *definiendum* на *definiens* легальной дефиниции в текстах нормативных правовых актов; дефект порочного круга в легальной дефиниции (непосредственного или опосредованного); дефект нетождественности структур терминов *definiendum* и *definiens* легальной дефиниции; дефект неоднозначности легальной дефиниции; дефект противоречивости легальной дефиниции; отрицательный характер легальной дефиниции.

Следует отметить, что ст. 6 «Разъяснение некоторых понятий и наименований, содержащихся в настоящем Кодексе» УПК Республики Беларусь уже традиционно используется в образовательном процессе будущих юристов как пример тавтологии в формулировках правовых понятий. Многими авторами указывалось на присутствие данной ошибки в определениях терминов «вред», «прокурор», «протест», «орган дознания», «суд», «судья». Несмотря на очевидность отмеченного дефекта, законодатель не спешит его устранять, а, напротив, повторяет в конструкциях уже новых дефиниций. Так, в 2011 г. в ст. 6 УПК Республики Беларусь введен п. 46¹, в котором сформулировано определение понятия «требование прокурора» как обязательного к рассмотрению письменного требования начальнику следственного подразделения, начальнику органа дознания об устранении нарушений законодательства, допущенных органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в ходе дознания, предварительного следствия. Однако если тавтология достаточно легко идентифицируется и восполняется субъектами правоприменения за счет врожденных рациональных моделей мышления, то другие недостатки дефинирования носят более существенный характер.

Обратим внимание на п. 19 ст. 6 УПК Республики Беларусь, в котором понятие «орган, ведущий уголовный процесс» определяется как орган уголовного преследования и суд. Во-первых, анализируемый термин (*definiendum*) сам по себе структурирован как определяемое слово с действительным причастием, которое используется для обозначения признака предмета по действию и отвечает на вопросы «какой?», «что делающий?». При этом *definiendum* употребляется в форме единственного числа, а определяемое его причастие – в форме настоящего времени. Согласно правилам грамматики и логики это предполагает, что в определении (*definiens*), во-первых, должны быть сведения о каком-то конкретном единственном органе, во-вторых, должна содержаться информация, позволяющая уточнить содержание выражения «ведущий уголовный процесс», и это уточнение должно выделять предмет по признаку совершения им действия. Вместо этого в дефиниции наблюдается указание на орган уголовного преследования и суд, которые по смыслу этого выражения никакого действия не производят и, что самое удивительное, только в одновременной совокупности могут обозначать орган, ведущий уголовный процесс. Это все равно, что выражение «транспорт, выполняющий трансатлантический рейс» определить как самолет и аэроплан. Вместе с тем специалистам известно, что орган, ведущий уголовный процесс, – это не любой орган уголовного преследования и суд, а только тот единственный, который в определенный момент времени уполномочен в предусмотренном законом порядке осуществлять производство по конкретному материалу либо уголовному делу, для чего требуется соответствующее поручение либо постановление. Например, согласно этому правилу ходатайство по уголовному делу вправе разрешить не любой следователь следственного подразделения, а только тот, который ведет по нему производство, для чего ему нужно вынести постановление о принятии уголовного дела к своему производству или указать об этом в постановлении о возбуждении уголовного дела. Получается, что существующее определение термина «орган, ведущий уголовный процесс» содержит как юридический, так и грамматический дефект, а правоприменители пользуются смыслом, который не вытекает из легального определения.

УДК 343.1

А.В. Ковалёв

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Законом Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-З были внесены очередные изменения и дополнения в УПК Республики Беларусь, в соответствии с которыми стадия возбуждения уголовного дела, характеризующаяся Л.В. Головкин как «самый неудачный рудимент советского уголовного процесса», в который раз подверглась «модернизации». Особый интерес вызывают положения, предусматривающие процедуры соединения и выделения заявлений и сообщений о преступлении и материалов проверки по ним (ст. 173¹ УПК Республики Беларусь), а также приостановления и возобновления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении (ст. 173³ УПК Республики Беларусь).

Ключевой с точки зрения дискуссионности является норма ст. 173³ УПК Республики Беларусь, предусматривающая возможность приостановления и возобновления проведения так называемой доследственной проверки, сроком до трех месяцев при наличии таких оснований, как «неполучение ответа на международный запрос» и «неполучение результатов экспертизы либо проверки финансово-хозяйственной деятельности» (п. 1 и 2 ч. 1. ст. 173³ УПК Республики Беларусь). Следует отметить, что такие категории, как «приостановление» и «возобновление», для уголовного процесса Республики Беларусь не являются новыми и длительное время реализуются в стадии предварительного следствия, чего нельзя сказать о перечне оснований,

предусматривающих приостановление проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении, в числе которых, как отмечено выше, «неполучение результатов экспертизы либо проверки финансово-хозяйственной деятельности». Так, при расследовании уголовного дела, если невозможно получить заключение эксперта до истечения срока предварительного следствия, следователю необходимо согласно ст. 190, 246 и 247 УПК Республики Беларусь данный срок продлить, в то время как на стадии возбуждения уголовного дела достаточно его приостановить. Имеющаяся возможность приостановления проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении по рассматриваемому основанию делает процедуру рассмотрения заявления или сообщения о преступлении более комфортной для органа дознания, начальника следственного подразделения, следователя или прокурора. Однако обратной стороной медали выступает очередное стеснение в первую очередь прав лица, пострадавшего от преступления. В данном случае речь идет о сроке проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении, который с введением указанной новеллы может достигать шести месяцев (ст. 173 и 173³ УПК Республики Беларусь), что создает возможности для его искусственного затягивания. При этом в течение указанного срока, во-первых, правовой статус лица, пострадавшего от преступления, остается неопределенным; во-вторых, конституционное право потерпевшего от преступления на доступ к правосудию остается нереализованным; в-третьих, лицо, в отношении которого столь длительный период проводится доследственная проверка и статус которого также не определен, до момента возбуждения уголовного дела свободно в действиях и передвижении, что предоставляет ему реальную возможность скрыть следы преступления, совершить противоправные действия или оказать психологическое воздействие на лицо, пострадавшее от преступления, и других лиц, скрыть доходы и имущество, добытые преступным путем, либо скрыться от органов дознания, предварительного следствия и суда, что нивелирует институт уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние.

В данном случае закрепленные в ст. 7 УПК Республики Беларусь такие приоритетные задачи уголовного процесса, как «защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых», в свете обозначенных изменений приобретают преимущественно декларативный характер, уменьшая тем самым возможности для их практической реализации.

Изучение уголовно-процессуального законодательства некоторых бывших союзных республик СССР, где стадия возбуждения уголовного дела сохранена до настоящего времени (Россия, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан), позволяет определить обозначенные выше положения о возможности приостановления и возобновления проведения доследственной проверки, как «революционные» и не имеющие аналогов. И в данном контексте подтверждаются неоднократные утверждения ряда авторов о сближении в Республике Беларусь по своему характеру и содержанию деятельности на стадии возбуждения уголовного дела с расследованием уголовного дела. Наблюдающееся длительное время совершенствование стадии возбуждения уголовного дела в направлении расширения временных границ, средств ее реализации и объемов – это не что иное, как совершенствование уже устаревшего в современных реалиях уголовно-процессуального инструментария советского периода.

В то же время необходимо обратить внимание на уголовно-процессуальное законодательство ряда стран постсоветского пространства, где стадия возбуждения уголовного дела упразднена как таковая (Молдова – в 2003 г., Грузия – в 2010 г., Украина – в 2012 г., Казахстан – в 2014 г.). В данном направлении, как отмечала З.А. Куланбаева, идет также и Кыргызстан.

Изложенное свидетельствует о том, что дальнейшее развитие отечественного уголовного процесса должно происходить в условиях избавления от столь сложной уголовно-процессуальной конструкции советского периода, как стадия возбуждения уголовного дела. При этом, как верно отмечал Ю.В. Деришев, досудебное производство необходимо рассматривать в виде единой стадии уголовного процесса с единым процедурным режимом.

УДК 343

Ю.Н. Ковзунович

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОБ ИЗГОТОВЛЕНИИ, ХРАНЕНИИ ЛИБО СБЫТЕ ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ

В соответствии с требованиями ст. 182 УПК Республики Беларусь предварительное следствие по уголовным делам о фальшивомонетничестве производится следователями Следственного комитета Республики Беларусь. Уголовные дела о фальшивомонетничестве в основном расследуются следователями районных следственных подразделений, в исключительных случаях – следователями следственных управлений областных аппаратов Следственного комитета Республики Беларусь.

Порядок проведения проверок по заявлениям (сообщениям) о фальшивомонетничестве, а также расследования уголовных дел данной категории регламентирован УПК Республики Беларусь, межведомственным нормативным документом ограниченного пользования, постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 сентября 1997 г. № 10 «О судебной практике по делам об изготовлении, хранении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг», Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в Минске 22 января 1993 г., и указаниями генерального прокурора Республики Беларусь от 12 марта 2013 г. и от 6 января 2017 г.

Ежегодно правоохранительными органами Республики Беларусь возбуждается в среднем около тысячи уголовных дел по факту изготовления, хранения либо сбыта поддельных денежных знаков.